

Миф о думающих машинах” (1964 г.). В Указателе не упомянуты известный доклад Дж. Ликлайдера (1965 г.) “Libraries of the future” и знаменитый доклад О. Уэйнберга (1963 г.) “Science, Government and Information”, посвященный проблемам развития американской системы НТИ, которые были подвергнуты анализу после запуска в 1957 г. в СССР космического спутника. Не отмечены монографии К. Муэрса (1959 г.) по проблеме оценки технической эффективности информационно-поисковых систем и его ключевые публикации, в которых были введены термины “дескриптор”, “информационный поиск”, “информационно-поисковый язык” и другие. В Указателе отсутствуют сведения о монографии Г. Борко и Ч. Берньера (1975 г.) о концепциях и методах реферирования, публикациях М. Стивенса, не упомянуты важные для информатики работы Д. Белла и других исследователей по информационному обществу, а также публикации Д. де Солла Прайса, Ю. Гарфилда и других специалистов по наукометрии. Эти примеры можно продолжить. Опубликованные много лет назад основные исследования этих и других выдающихся американских ученых давно вошли в историю развития информатики и информационной сферы в США.

При этом в раздел статей были включены исследования, посвященные жизни и деятельности французской ученой и сотрудницы Национальной библиотеки Франции С. Брие (M. Buckland, № 61),

эволюции японской библиотечной и информационной сферы в 1947–1982 гг. (G. Chandler, № 81), биографии Дж. Буля (E. Cooksey, № 91), заслугам индийского специалиста в области классификации С. Ранганатана (E. Garfield, № 135). В других введенных в Указатель статьях рассматриваются аспекты биографии и деятельности бельгийского ученого Поля Отле (W. Rayward, № 300; I. Rieusset-Lemarie, № 310) и биографии Ф. Бейльштейна, под руководством которого был создан многотомный указатель литературы по органической химии (R. Luckenbach, № 235), вопросы истории УДК (B. McIlwain, № 248) и истории британской библиографии (W. Rayward, № 295). Отдельные статьи посвящены вопросу о том, кто изобрел указатели (B. Weinberg, № 403), и истории научной информации в советских лабораториях в период сталинизма (P. Richards, № 316).

По-видимому, составители использовали особый подход к отбору материалов для Указателя, о чем они, однако, не сообщили читателям. Таким образом, данная работа не лишена значительных недостатков с точки зрения содержания. В то же время как источник библиографической информации она может быть весьма полезной для исследований истории информатики и информационной сферы в США.

Материал поступил в редакцию 14.05.05.

УДК 001.19(049.32)

Р. С. Гиляревский

О знании знания и незнания*

Рецензии на книги пишутся с самыми разными целями. В данном случае — для того, чтобы привлечь к этой книге внимание и высказать свои соображения по поводу одной из самых любопытных профессий, которая почти не имеет собственного пристанища, являясь сама по себе социальным институтом.

Валерий Павлович Леонов — человек, известный в информационном мире не только как директор знаменитой Библиотеки Российской академии наук, но и как автор ярких книг о своей библиотеке и о библиотечно-библиографических процессах в сфере коммуникации. Его новая книга о профессии библиографов им и предназначена, но будет с интересом прочитана всеми людьми интеллектуальных профессий. Думая о своем будущем, автор приглашает читателей присоединиться к нему в этих непростых размышлениях.

Книг о нашем интеллектуальном будущем сейчас пишется немало, но в большинстве из них прогресс коммуникационных видов деятельности напрямую связывается с достижениями электронной технологии, которая часто не вполне оправданно

называется информационной. В этой книге их будущее правомерно видится в дальнейшей разработке *знаниевой* парадигмы. И это знамение нашего времени. Хотя общество, к которому мы стремимся, называют информационным, но имеют в виду, что это общество будет все интенсивнее производить и использовать знание.

При существующем разном в понимании терминов *данные, сведения, информация, знания* приятно убедиться, что автор не только их четко различает, но и употребляет в соответствии с принятой нами терминосистемой, в которой *информация* есть смысловое содержание передаваемых и интерпретируемых людьми *сведений* и *данных*. Что касается *знания*, то и здесь вслед за К. Поппером и М. Полани он правомерно противопоставляет *объективное* знание *личностному*. Хотелось бы добавить к ним еще и *общественное*, или (как теперь все чаще говорят) *публичное* знание Дж. Займана, соответствующая книга которого несправедливо забыта**.

В рецензируемой книге, помимо содержательно-го предисловия Э. К. Беспаловой и нестандартного

*Рецензия на книгу: Леонов В. П. Библиография как профессия / Н. Ц. исслед. истории кн. культуры. — М.: Наука, 2005. — 124 с. (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика).

**Ziman J. Public knowledge: An essay concerning the social dimension of science. — London: OUP, 1968.

введения самого автора, четыре главы: *Об истоках библиографии, Профессия “переживает” парадигму, Представление знаний и библиография, Библиографическая трансформация знания*. Вместо заключения в книге приводится полный перевод “*Рассуждения о библиографической науке и обязанностях библиографа*” Ж. Ф. Нэ де ла Рошеля и авторский комментарий к нему. Есть и другие интересные публикации, например, *тезисы к докладу К. Р. Симона “Искусство библиографа” (1951 г.), письмо анонимного читателя о работе библиотеки “Мой заклятый враг” в газете “Смена” (2001 г.)*. Много неожиданных цитат из “*Бесхребетной Испании*” и “*Трех картин о вине*” Ортеги-и-Гассета, “*Менделя-буканиста*” С. Цвейга, “*Творческой эволюции*” А. Бергсона, “*Математического творчества*” А. Пуанкаре, статьи В. Я. Брюсова “*О значении библиографии для науки*”, *Библиографического указателя БАН “Лекции и речи лауреатов Нобелевских премий” в русских переводах 1901–2002 гг.*” и из других источников.

Для характеристики стиля и настроения книги не могу не привести хотя бы одной выдержки: “Как-то в разговоре о поэзии с академиком М. И. Будыко в Комарово под Ленинградом Анна Ахматова, шутя, бросила фразу: “Я вообще не люблю стихов”. На вопрос — почему? — рассказ о скрипаче. Дирижер на гастролях, дирижируя концертом Бетховена, обратил внимание на гримасу первой скрипки, известного музыканта. После концерта дирижер спросил — может быть, Вам не нравится Бетховен или то, как я дирижирую? Ответ: “Я вообще не люблю музыки””.

Определяя место библиографии среди других профессий умственного труда, автор использует встретившееся в переводе эссе Ортеги-и-Гассета русское слово *присоединение*, которым немецкий историк Рима Т. Моомзен характеризовал основную идею своего труда: “*История любой нации, и прежде всего римской, представляет собой развитие системы присоединения*”. Анализируя переводы этой фразы с немецкого оригинала и французского перевода на русский язык, В. П. Леонов находит возможные синонимы слова “присоединение: *‘включение новых частей, инкорпорация, взаимопроникновение*”. Применяя мысль историка к развитию библиографии, он считает, что дальнейшая ее судьба зависит от взаимопроникновения с другими видами человеческой деятельности, в результате которых возникает новое знание.

Ссылаясь на П. Дракера и введенный им в оборот термин *knowledge worker*, автор ищет русские эквиваленты этой модной на Западе профессии: *работник, создающий (приращивающий) знание, менеджер знаний* — и останавливается на термине *инновационный менеджер*. Мне не кажется этот термин удачным, но удачного я и сам предложить не могу. Дело в том, что *развитие системы присоединения* профессии библиографа связывается в книге не только с традиционными *книжником, библиотекарем, информационным работником*, но и с *инновационным менеджером*. По существу это представляется мне современным и правильным. Ученному, исследователю нужно ставить задачу пони-

мания закономерностей природы, общества и мышления и создания нового знания. Его сотрудниками в этом могут быть библиографы, библиотекари, информационные работники (специалисты, как их называет автор), которые обеспечивают ему комфортную информационную среду. *A knowledge worker* (как бы мы ни согласились называть его по-русски) освобождает исследователя от забот об актуальности его темы, о внедрении результатов исследования, о коммерческой стороне использования нового знания. И еще этот *инновационный менеджер* призван (по меткому выражению В. Л. Макарова) “. . . нутром чувствовать прорывное направление”, т. е. определять зоны отсутствия нужно знания, пробелы в знании, которого требует информационный рынок. Об этом в свое время писал Э. С. Бернштейн, называя эту деятельность *пробельным анализом*.

Но библиография как профессия имеет и другие задачи, среди которых одна из главных — ответственность перед обществом за порядок в мире публикаций. Они ведь служат не только для сообщения новых знаний, но и для подтверждения приоритета их создателей, для воспитания новых работников всей этой сферы, для подытоживания результатов деятельности по созданию, переупаковке и использованию этих знаний.

У нас давно об этом писал Д. Д. Иванов, но почему-то его почти никто не вспоминает в связи с ролью библиографии в науке; нет его имени и в этой книге. Он считал библиографию составной частью любой науки и в совокупности — организационной частью всей науки в целом. По его справедливому мнению, библиография охватывает подготовительный этап всякого научного исследования, как бы суммирует литературу по предмету этого исследования. Это тот инструмент сохранения знания, который образует его содержательный каркас*.

Новая книга В. П. Леонова написана так, что в ней нет готовых определений, формул, прогнозов. Автор погружает библиографическую деятельность в широкий культурный контекст и предоставляет читателю самому сформулировать выводы. Но собственная позиция автора выражена в книге вполне определенно. Он считает, что библиография как один из важных видов фиксации знаний должна интегрироваться с другими видами интеллектуальной деятельности, искать новые формы библиографической эвристики, смелее использовать возможности новых электронных технологий.

Я не разделяю опасений автора, что *читая с экрана, мы не чувствуем той “интеллектуальной самоотдачи”, “страстного вклада познающей личности” (по М. Полани), которые присутствуют в процессе общения автора, библиографа и пользователя в конкретном библиографическом пространстве*. Конечно, никакие технические средства коммуникации не могут сравниться с живым общением. Но они обладают множеством таких достоинств, ради которых стоит привыкнуть и к экрану, и к клавиатуре, тем более что голосовые средства общения при помощи компьютера и с ним самим становятся реальностью.

* Иванов Д. Д. Подытоживающая функция отраслевой библиографии // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР.— 1961.— № 5.— С. 24–67; Иванов Д. Д. О научных методах библиографии // Научная библиография: Из опыта ФБОН АН СССР.— М.: Наука, 1970.— С. 7–34.